

Линия Подгайская

Замок Лейк-Касл

Лилия Подгайская
Дорога на Север

«ИП Стрельбицкий»

Подгайская Л.

Дорога на Север / Л. Подгайская — «ИП Стрельбицкий»,
— (Замок Лейк-Касл)

Жестокая судьба согнала Валу де Плешар, дочь простого рыцаря, с родного уэльского приграничья и заставила её, преследуемую ищейками наследного принца, пройти долгий и трудный путь через всю страну до самой шотландской границы. Но здесь, в суровом замке Лейк-Касл, владении рыцаря Ричарда Лорэла, молодая женщина обрела дом, любовь и семейное счастье, а потеряв горячо любимого мужа, сама вырастила их сына, следующего владельца замка над синим озером.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лилия Подгайская

ДОРОГА НА СЕВЕР

Пролог

*Западная Англия,
Уэльское приграничье,
1125 год*

Рыцарь Оуэн де Плешар беспомощно смотрел, как жизнь покидает тело его любимой жены Нады. Она истекала кровью, родив хорошую, крепкую девочку. Рядом горько рыдала её верная служанка Огла, вскормившая Наду собственной грудью и вырастившая её. Священник ещё не прибыл в их отдалённое поместье, хотя за ним послали утром. Сейчас солнце клонилось к закату, августовский день был на исходе, а в имении царили тревога, уныние и печаль. Девочка родилась двумя днями раньше, и никто не ожидал, что случится такая беда, ведь Нада была крепкой и здоровой молодой женщиной. Кровотечение открылось прошлым вечером, и остановить его не могли ничем. Молодая мать просто истекала кровью, слабела, и жизнь уходила из неё капля по капле.

Внезапно умирающая встрепенулась и слабым голосом попросила зажечь свечу – темно стало. Окружающие поняли, что конец близок. Муж взял её за холодеющую руку, пытаясь удержать ещё хотя бы на несколько минут. Она открыла затуманивающиеся глаза и из последних сил прошептала слова прощания.

– Сбереги девочку, Оуэн. Назови её Валой, как мою мать.

С этими словами жизнь покинула ослабевшее тело. Нада дёрнулась и затихла, глядя в потолок невидящими уже глазами.

Рыцарь, глотая слёзы, закрыл неживые глаза жены, бывшие при жизни такими яркими, полными огня – красавица-валлийка Нада была темноволоса, смугла и черноглаза, всегда полна жизненных сил и желания угодить ему в постели. Ночи с ней были горячи и сладки. И вот теперь она лежит перед ним неподвижная, и мёртвенная бледность заливает любимое лицо, а руки холодеют. Он положил на закрытые глаза монетки и предался своему горю.

Приехавший только утром следующего дня священник успел отпеть почившую леди и окрестить наследницу. Рыцарь Оуэн де Плешар так и не получил сына, о котором мечтал, как и каждый мужчина. На его руках осталась новорожденная девочка, и он не имел даже представления, что станет с ней делать, как её растить. Благо рядом была верная Огла, принявшая ребёнка в свои тёплые и надёжные руки. Других женских рук девочке не дано было знать – ведь простой рыцарь из небогатого поместья не мог рассчитывать на удачный повторный брак. Да и редкая мачеха заменит ребёнку родную мать, а он хотел счастья своей крошке-дочери.

Оуэн де Плешар уже много лет владел своим небольшим поместьем, доставшимся ему по наследству от отца. И хотя он был всего лишь третьим сыном Рональда де Плешара, поместье досталось ему, потому что и отец, и оба старших брата погибли в битвах. Ему было четырнадцать лет, когда пришлось стать мужчиной, взяв на себя ответственность за семью, землю и подвластных людей. Из семьи остались только мать и младшая сестра. Но через три года обе погибли при очередном жестоком набеге соседей-валлийцев. Имение Истейт было расположено совсем близко к границе с Уэльсом и частенько подвергалось набегам. Тот набег был особенно жестоким, и как назло хозяина не было на месте – он ездил к лорду

Херефорду с выполнением своих вассальных обязательств. Вернувшись, он нашёл разграбленное поместье, убитых родных и голые поля. Весь скот был украден, а посевы вытоптаны.

Много лет после этого сразу повзрослевший от бед Оуэн восстанавливал своё потомственное владение. Оно досталось его предку Отту де Плешару, пришедшему из Нормандии вместе с Вильгельмом Завоевателем и награждённому новым королём Англии этим маленьким наделом земли, где прежде хозяйствовали саксонцы. Женившись, как это было принято, на дочери убитого владельца поместья, Отт де Плешар стал главой нового рода, в котором смешалась кровь завоевателей и побеждённых. Люди его рода были сильны и выносливы, светловолосые мужчины все как один высокие, широкоплечие и статные, женщины красивы и плодовиты. Но ни один мужчина из рода де Плешаров не умер в своей постели, и ни одна женщина этого рода не была счастлива.

Оуэн де Плешар боролся с трудностями жизни как мог. Никто не пришёл ему на помощь, все вокруг были заняты лишь собственными бедами. Больше того, каждый год он должен был отдавать два месяца на службу своему лорду. В относительно мирное время, что было чрезвычайно редко в их краях, воины лорда охраняли границы его владений и выполняли различные поручения. В беспокойные же времена битвам, большим и малым, не было числа. Оуэн де Плешар возмужал, окреп, стал настоящим, закалённым в битвах воином, но мало преуспел в ведении собственного хозяйства. У него не оставалось для этого ни времени, ни сил, ни, пожалуй, умения. Беспокойные валлийцы наседали постоянно, угоняли и тот малочисленный скот, который удавалось сохранить, вытаптывали поля, не давали собирать урожай. Люди в поместье бедствовали, чуть ли не голодали. В особенно холодные зимы многие умирали, детей губили налетающие неизвестно откуда болезни. Лекаря в поместье испокон века не было, как и своего священника. Умело заправлявший всем хозяйством управитель умер прошлой зимой после двух недель мучительного кашля, сопровождавшегося жестокой лихорадкой. Рыцарь чувствовал себя совершенно беспомощным. Вот если бы можно было все проблемы решить только мечом, он бы справился. Но в его положении требовалось что-то другое, чего он не знал и не умел. В одну из бессонных зимних ночей ему пришла в голову мысль, которая показалась здоровой. Утром мнение его на этот счёт не изменилось. И рыцарь всего лишь с двумя воинами отправился на земли соседей. Малочисленность группы явно свидетельствовала о мирных намерениях англичан, и ему позволили достичь владений ближайшего валлийского лорда, жестокого и сильного Мэрила ап Томаса. После длительных переговоров и большого количества опустошённых кубков с элем соглашение было достигнуто, и Оуэн де Плешар отправился домой уже впятером. С ним ехали младшая дочь хозяина, черноглазая Нада, отданная в жёны английскому рыцарю, и её верная кормилица.

После этого мудрого шага хозяина поместье понемногу ожило. Валлийцы их больше не беспокоили, а в доме появилась госпожа. Несмотря на молодость, Нада была разумной и рачительной хозяйкой, умела врачевать раны и некоторые болезни, развела в усадьбе маленький огород с лекарственными травами. Челядь её почитала и любила. Но больше других её полюбил сам господин. Лишённый многие годы женской заботы и ласки, Оуэн де Плешар нежился и таял в объятиях своей молодой жены. И что уж вовсе было удивительным, Нада полюбила его, несмотря на большую разницу в возрасте и внешнюю суровость воина. Но куда девалась эта суровость, когда они оставались вдвоём. Не растративший себя в объятиях других женщин, Оуэн всю свою страсть, всю спрятанную глубоко внутри нежность отдавал жене, наслаждаясь её ответной страстью и любовью. Настал период благоденствия. Но, как и многое хорошее в этой жизни, он оказался до боли коротким. Три года пролетели незаметно, и благоденствие оборвалось. В один миг рыцарь оказался вдовцом, только что родившаяся девочка наполовину осиротела, а поместье лишилось хозяйки.

Глава 1

Прошло двадцать лет. Вала превратилась в красивую стройную девушку, похожую на мать, но менее яркую и более изящную. Она твёрдой рукой вела хозяйство отца, не хуже любого мужчины скакала часами по полям, предпочитая крепкого быстрого жеребца и мужскую посадку в седле, прекрасно стреляла из лука. Настоящая приграничная леди, отважная и даже жёсткая в минуты опасности, но мягкая и приветливая с близкими людьми. Отец обожал её, она отвечала ему такой же горячей и преданной любовью. Верная старая Огла всегда была рядом, а приставленная к девушке с ранней юности некрасивая, но высокая и сильная Иста боготворила свою госпожу, служила ей не за страх, а за совесть и готова была растерзать каждого, кто угрожал её благополучию.

Всё бы хорошо во владениях де Плешаров, но возраст наследницы давно вышел за пределы, определённые законами брачного рынка, а она оставалась незамужней. Страшное слово «старая дева» никто не решался произнести, однако все понимали, что именно так и есть на самом деле. Их госпожа засиделась в девицах, и не видно было выхода из этого положения. Не отдавать же её, право, за дикого валлийца, а английские рыцари не спешили с предложениями. И хотя многие знали, что у старого де Плешара выросла славная дочь, свататься не решался никто – уж больно близко к границе с Уэльсом находилось её наследственное владение. Сам Оуэн де Плешар как-то ладил со своими воинственными соседями, но удастся ли это новому владельцу, не знал никто. А время было и без того смутным, битв и сражений хватало за глаза. Кому же нужна лишняя головная боль? Да и не особо ценным приобретением был затерянный в приграничных холмах Истейт. Расстроенный таким положением дел отец даже подумывал о том, чтобы отдать дочь в монастырь, но быстро отбросил эти мысли, поскольку понимал, что при характере и привычках Вала она просто не выживет в монастыре. Ей нужны простор и воля, без этого она быстро зачахнет.

Надо сказать, что сама Вала не очень-то переживала из-за своего затянувшегося девичества. Она любила свой дом, почитала отца и ладила со слугами и работниками. Ей было хорошо здесь, и она вовсе не рвалась в чужой дом, к чужому незнакомому мужчине. Сердце её было свободно и спокойно, любовь – неведома. Зачем же ей менять что-то в своей жизни? Здесь она сама себе хозяйка. Отец позволяет ей делать то, что она считает нужным, не ограничивает в передвижениях. Дед по матери, опасный и жестокий Мэрил ап Томас с ней приветлив и мягок. Ездить по валлийской земле ей так же безопасно, как по собственным владениям. Кто же рискнёт обидеть любимую внучку наводящего страх на всю округу лорда? Да и многочисленные сыновья и внуки грозного владельца обширных земель готовы были стеной встать за свою милую племянницу и кузину. Вала прекрасно всё это знала и ничего не боялась. Она носилась по зелёным холмам приграничья безо всякой стражи. Само имя её грозного деда было ей лучшей в мире охраной.

Вала несомненно была очень привлекательна, хотя сама и не осознавала этого. Доставшие ей в наследство тёмные волосы матери, густые и волнистые, были, однако, не так черны, в лучах солнца их блестящая масса отливала червонным золотом. Унаследованная от предков по линии отца светлая кожа летом покрывалась золотистым загаром, но зимой была белой и шелковистой. Несколько великоватый рот с пухлыми нежными губами уравновешивался большими миндалевидными глазами, цвет которых менялся от зеленовато-серого, как спокойное море на закате солнечного дня, до тёмно-серого оттенка грозного неба, когда она гневалась. Девушка была достаточно рослой, но стройной и грациозной. Тонкая талия, небольшая, но хорошей формы грудь, широкие бёдра и длинные стройные ноги. Что ещё надо мужчине? Но, тем не менее, вокруг неё была пустота. Конечно, молодые воины как

отца, так и деда засматривались на неё, однако не смели даже думать о том, чтобы распутать язык или руки.

Так и шло бы всё без перемен, но в один далеко не прекрасный день старый Оуэн де Плешар почувствовал, что нездоров. Силы его таяли. Оставленные за плечами битвы и трудности жизни подорвали его могучее здоровье, и рыцарь понял, что уже недолго может оставаться опорой и защитой для своей молодой дочери. Мэрил ап Томас тоже далеко не молод, хотя и крепок ещё на вид. Но... Самым надёжным было бы всё же пристроить Валу замуж. Тогда и умереть можно спокойно. А оставлять её одну негоже. Где это видано, чтобы женщина сама управляла поместьем? Сразу найдётся немало желающих пожить чужим добром. Да и у короля, как он знал, руки длинные. Прослышав, что поместье на границе осталось без хозяина, он сразу найдёт ему замену. И кто знает, какому человеку попадут в руки его дочь и его земля. Лучше уж самому её пристроить. Старый рыцарь знал только один способ решить эту сложную задачу. И он отправился во владения лорда Херефорда. Старого лорда, с которым его связывали совместные походы и сражения, в живых уже не было. Но и сын его, ныне правящий в землях Херефордшира, славился как сильный и порядочный человек. К нему-то и отправился старый рыцарь.

Собираясь в дальнюю дорогу, он призвал к себе дочь. Вала пришла, улыбающаяся и разгорячённая после недавней скачки по полям, но, увидев лицо отца, встревожилась.

– Что-то случилось, отец? – с волнением спросила она. – Вы бледны сегодня, и мне это не нравится.

– Всё нормально, дочь, – отвечал рыцарь как можно спокойнее. – Просто дела призывают меня отлучиться из поместья на какое-то время, и я хочу просить тебя быть очень осторожной. Тебе не стоит покидать границы наших владений в моё отсутствие. Конечно, капитан нашей стражи прекрасно знает своё дело. Но я буду спокоен только в том случае, когда ты пообещаешь мне слушать его во всём и не уезжать из поместья.

– Твои слова огорчили меня, отец, – сказала девушка, – но я, конечно же, сделаю так, как ты хочешь. Ты можешь не сомневаться во мне.

– Вот и славно, девочка моя, – заключил отец. – Теперь я поеду в дорогу со спокойной душой.

Рано утром следующего дня Оуэн де Плешар отбыл ко двору лорда Херефорда. Дочь проводила его и долго смотрела вслед маленькому отряду. У неё было такое ощущение, что эта поездка отца принесёт большие перемены в их жизнь, и предчувствие их не радовало девушку.

Невесёлые перемены не заставили себя долго ждать. Отец вернулся с известием, что нашёлся рыцарь, желающий взять в жёны его дочь, несмотря на её возраст, при условии, что она сохранила девственность. Вала громко фыркнула при этих словах, но промолчала. Отец не сразу признался ей, что рыцарь этот далеко не молод и не блещет красотой, что он вдовец и имеет сына от первого брака в возрасте почти четырнадцати лет. Новости эти не обрадовали её, но она понимала, что отец сделал всё, что мог. Спорить с ним не имело смысла. В некоторых вопросах он был непробиваемо упрям, и это как раз такой случай, как она понимала. Вала не хотела огорчать отца своим отчаянием. Она ведь всё видела и понимала, что отец стареет и теряет силы. Он просто выполняет свой долг, не желая оставить её одну без защиты и покровительства сильного мужчины. Валлийские родственники в данном случае не в счёт, они в Уэльсе, а здесь Англия, и власть короля не имеет границ.

Вала была умной девушкой. Она, разумеется, не получила образования, но у неё были глаза и уши, которые она всегда держала открытыми. И она внимательно слушала разговоры мужчин здесь, в поместье, и во владениях деда. При этом сама старалась оставаться незамеченной, чтобы разговоры эти велись более свободно. Из них-то она и черпала своё знание жизни, причём с мужской точки зрения. И это впоследствии сослужило ей хорошую службу.

Начались приготовления к приезду жениха. Его владения были не слишком далеко от их поместья, всего в трёх днях пути. Прибытие ожидалось в середине апреля с тем, чтобы совершить акт бракосочетания здесь, в поместье, а уж потом отпраздновать свадьбу в её новом доме. Был призван на помощь священник, который её крестил, и они вдвоём с отцом долго корпели над брачным контрактом. Отец хотел по возможности полней защитить дочь от превратностей судьбы.

В Вустер был срочно отправлен гонец с повелением привезти красивые ткани для подвенечного наряда невесты и её приданого. Женщины засели за дело, проворно работая иглами. Вала бродила по дому как привидение. У неё всё валилось из рук. Хотелось плакать, но она позволяла себе это только в постели, когда не видел отец – не хотела его расстраивать. Её горе от предстоящего расставания с родным домом было очевидным только для самых близких к ней женщин – Оглы и Исты.

– Не плачь, ягнёночек мой, не надрывай мне сердце, – увещевала её старая няня. – Может и не так плохо всё будет, как тебе кажется. Может твой жених хороший человек, и ты даже сможешь полюбить его, как твоя мать, упокой Господи её светлую душеньку, полюбила твоего отца. Тоже ведь разница в годах у них большая была, а видишь, как сложилось. Они были очень счастливы вместе.

– Нет, няня, – грустно отвечала Вала. – Чует моё сердце, что в поместье моего будущего мужа меня ожидают чёрные дни. Не хочу ехать, но и против воли отца не пойду. Он ведь как лучше хочет. Пусть хоть он спокоен будет на старости лет.

– Ну что вы, госпожа, право, – вмешалась в разговор Иста, расчёсывающая на ночь тёмный шелк её волос. – Мы же с вами едем. Мы в обиду вас не дадим.

– Конечно, из тебя, Иста, охранник хоть куда. – Вала печально улыбнулась. – И всё же пошлите незаметно гонца к моему деду. Пусть он, и дядья мои, и кузены знают, куда меня увозят. Пусть потихоньку приглядывают за отцом и обо мне не забывают. Так мне будет спокойнее.

– Будет выполнено, госпожа. Завтра же с утра гонец отправится к Мэрилу ап Томасу. Не беспокойтесь об этом. – Иста укрыла свою госпожу потеплее, и обе женщины покинули опочивальню хозяйки.

Вала осталась одна, но сон не шёл к ней. Тревожные предчувствия теснились в душе. Разве такой должна быть невеста, ожидающая своего суженого? Но сделать с собой она ничего не могла. Сердце ныло и ныло.

Филипп де Варун прибыл в дом невесты в назначенный срок. Его сопровождали восемнадцать отборных воинов. Было видно, что рыцарь вполне отдавал себе отчёт о том, в какие края едет. Граница вот она, совсем рядом. Кто же будет спокоен при таких обстоятельствах? Однако в доме будущего тестя всё было тихо, вроде и не волновало их столь близкое соседство диких валлийцев. И жених успокоился. Но всё же пожелал как можно скорее оформить все формальности и увезти новобрачную в свой дом, где чувствовал себя куда увереннее. Всё же три дня пути – это не рядом с границей, хоть и близко. По опыту он знал, что так далеко при своих набегах валлийцы обычно не забираются. Здесь же чувствовал себя не в своей тарелке и людям своим велел быть начеку.

В тот же вечер оба рыцаря уединились в небольшой комнате за залом, где скрупулёзно обсудили все условия брачного контракта. Разговаривали они долго и выпили немало тёмного эля, но к согласию, как видно, пришли. Потому что прямо с утра был призван священник для совершения обряда бракосочетания, после чего новобрачный заспешил домой. Он даже от свадебного пира отказался, а невесте велел не морочить себе голову со свадебным нарядом – всё это потом, потом... Сейчас же надо как можно раньше отправиться в путь, чтобы успеть засветло добраться до ближайшего аббатства и заночевать в безопасном месте.

Вала была немало удивлена таким поведением мужа, но беспрекословно подчинилась. Оуэн де Плешар понимал своего зятя. Тому было явно не по себе от близости валлийской границы.

Прощание было скорым, но от этого не менее тягостным. У Вала сердце разрывалось на части. Отец тоже едва сдерживал слёзы. Домочадцы стояли в зале как оглушённые. Работники собрались во дворе. Ей хотелось сказать доброе слово каждому, но муж торопил её. Может это и к лучшему, что быстро уехали, иначе Вала не выдержала бы и разрыдалась, а это плохая примета, нельзя. Она изо всех сил старалась не оглядываться на свой дом и немного расслабилась только тогда, когда родные места скрылись за поворотом дороги. С ней остались только две её женщины, ехавшие рядом. Все были верхом, даже старая Огла, которая оказалась сильной и выносливой, несмотря на годы. Приданое невесты было навьючено на двух мулов, которые поспешали за конным отрядом, подгоняемые воинами. Вала ехала на своём вороном жеребце Громе. Муж недовольно покосился на неё, когда она забиралась в седло высокого и сильного коня, но промолчал, и Вала поняла, что разговор на эту тему у них впереди, и будет он не слишком для неё приятным. Что ж, она готова стать рыцарю хорошей женой, послушной и хозяйственной. Но в некоторых вопросах намеревалась твёрдо отстаивать свои интересы.

Нужно признаться, что новоиспеченный муж произвёл на неё неважное впечатление. Мало того, что он немолод, невысок ростом и некрасив, он ещё и мрачен как грозовая туча. За всё время ни разу не улыбнулся ей, не сказал ласкового слова. Даже дикие валлийцы куда приветливее его. Как же она будет жить с таким человеком под одной крышей, спать в одной постели? От последней мысли её передёрнуло. Придётся зажать себя в кулак, чтобы справиться с тем, что ей предстоит.

День в пути прошёл в молчании. Воины Филиппа де Варуна погоняли коней, сам он ехал впереди отряда и ни разу не оглянулся на жену и её спутниц.

Самое время сбегать к деду, подумалось ей. Муж и не заметит её исчезновения. Зато заметят воины. Они все как один были опытные и осторожные. Вала подумала, что в битве они, должно быть, сильны и неутомимы, чего не скажешь о её супруге. Его небольшой рост и хилое телосложение не дают надежд на воинскую силу и отвагу. То-то защитник из него получится, улыбнулась она про себя. Без своих отборных воинов он ничто, пустое место. Обидно, конечно, но так уж распорядилась судьба. Бедный отец! Он, наверное, тоже понял, что просчитался с этой свадьбой. Но обратного хода уже нет.

Все три дня пути прошли, как один, в молчании. Они редко делали остановки, ночевали в монастырях и снова отправлялись в дорогу, как только небо начинало светлеть. Женщины измучились и едва держались в сёдлах, но это, похоже, никого не волновало. К концу третьего дня пути на холме впереди показалось хорошо защищённое большое поместье.

– Ваш новый дом, леди, – сказал Филипп де Варун, подъезжая к жене. Это были, пожалуй, чуть ли не первые его слова, если не считать произнесённых им брачных обетов. – Я уверен, Хил-Хаус вам понравится.

Вала его уверенности не разделяла. Более того, чем ближе подъезжали они к поместью, тем тяжелее становилось у неё на душе. Служанка и няня тоже хмурились. Похоже, им было ничуть не веселее, чем ей. Поместье хорошее, крепкое, расположено очень удачно, дом выглядит уютным и надёжным. Что же здесь не так? Что так её тревожит?

Ответы на эти вопросы она получила очень скоро.

Как только отряд въехал в открывшиеся ворота, их встретили молчаливые хмурые конюхи, которые приняли господских коней. Они сразу оценили красоту и мощь её Грома, и Вала поняла, что коня у неё отнимут. Сердце больно сжалось в груди – она очень любила своего скакуна, которого подарил ей дед, и конь отвечал ей глубокой привязанностью.

В большом зале собрались домочадцы. Они низко поклонились господину, но улыбок на их лицах Вала не заметила. Он коротко представил её как новую госпожу поместья, и слуги поклонились ей. В глазах засветилось любопытство, но и только. За высоким столом одиноко сидел юноша, почти мальчик, холодно оглядевший Валу своими слишком светлыми, какими-то неживыми глазами. Он поднялся, однако, навстречу отцу и поприветствовал его неожиданно низким, мужским голосом.

– Подойди сюда, Холт, и познакомься со своей новой матерью, – велел рыцарь.

– Мать у меня только одна, господин мой отец, но мачеху ты привёз подходящую. Она достаточно молода, и хорошо согреет твою постель.

От этих слов Валу встряхнуло как от удара, хотелось подойти и хорошенько оттрепать нахального мальчишку за уши. Но пришлось промолчать. Она только сверкнула в его сторону сразу потемневшими глазами, на что пасынок ответил довольной улыбкой. Он понял, что жизнь его в доме отца отныне станет намного веселее. Вала же подумала, что эта головная боль будет похуже проблемы с мрачным и неразговорчивым мужем. Но она и представить себе не могла, что ожидало её впереди в этом большом холодном доме.

Быстро был подан и съеден необильный ужин, который показался ей совсем скудным после долгого пути. Затем путников проводили в их комнаты. Валу привели в большую холодную спальню, половину которой занимала огромная кровать под мрачным тёмно-синим балдахинном. Служанку к ней не допустили. Спустя несколько минут в комнате появился хозяин. Он с недовольством отметил, что жена ещё не раздета, и велел ей быстрее снять с себя всю одежду и забираться в постель.

– Как, – удивилась она, – без ванны и даже простого мытья? После трёх дней непрерывной скачки? От нас за версту разит конским потом.

– Много разговариваешь, женщина, – был ответ. – О каком мытье речь? Я устал, хочу поскорее получить то, что мне причитается, и спать. Завтра у меня много работы. Так что побыстрее ложись в постель и раздвинь для меня ноги.

Вала была потрясена тем, что услышала. Но спасения было ждать неоткуда. Она легла в постель и робко посмотрела на мужа.

– Что лежишь? – резко сказал он. – Ноги раздвинь, да пошире. Мне недосуг с тобой долго возиться.

Он навалился на неё своим хилым, потным и вонючим телом, грубо развёл коленом ноги и ворвался в её недра как дикий завоеватель. Она вскрикнула от боли и сжалась под ним. Но он не обратил на её реакцию ни малейшего внимания, быстро сделал своё дело, удовлетворённо хмыкнул, увидев кровь на её бёдрах, отвернулся и сразу же уснул. А Вала лежала, потрясённая совершившимся над ней насилием, и слёзы лились из глаз нескончаемым потоком. Ах, отец, отец, думала она, какому же мерзавцу ты меня отдал в вечное пользование. И как выдержать эту жизнь?

Утром, усталая и невыспавшаяся, она была грубо разбужена на рассвете, чтобы отправиться заниматься хозяйственными делами.

– Не отдыхать сюда приехала, леди, – на ходу проворчал муж, – работать надо. И служанки твои пусть работают наравне со всеми. Напрасно кормить я никого не намерен.

Спустившись в общий зал, Вала застала там хмурых неразговорчивых служанок, которые ничуть не намерены были облегчать ей жизнь. Только Иста подошла к ней, но отшатнулась, увидев выражение тёмных грозовых глаз. Да, в хорошенький переплёт они попали. И как тут быть, как защитить хозяйку?

Служанки быстро накрывали на столы, а Вала брезгливо рассматривала грязный неуютный зал. Столешницы на козлах не вычищены, даже на высоком столе засохла грязь. На полу мусор, обглоданные кости. Камыш давно требует замены. Запах в зале отнюдь не способствует аппетиту. Она недовольно хмурилась, отмечая себе объём предстоящих работ,

как вдруг кто-то грубо шлёпнул её пониже спины. Разъярённо обернувшись, она оказалась лицом к лицу с хозяйским сыном.

– Ну что, хорошо ли ты ублажила моего папашу в постели? – нагло спросил пасынок.

– Не кажется ли тебе, Холт, что это совсем не твоё дело? – огрызнулась она.

– Ошибаешься, женщина, это моё дело, потому что я здесь молодой хозяин, и ты будешь отвечать на мои вопросы и делать всё, что я тебе прикажу. Ты здесь никто.

– Нет, мальчик, – издевательски произнесла она, – я здесь теперь хозяйка, и ты будешь почитать меня, как положено сыну, пусть и не родному. Ты пока что здесь не хозяин, а твой отец вряд ли одобрит такое поведение.

Холт только собрался ответить пощёчиной на эти дерзкие слова, как в зал вошёл господин. Он сразу оценил обстановку и встал между ними.

– Ты ещё молокосос, Холт, чтобы задиаться к моей жене, – рявкнул он. – Не смей распускать руки. И не приближайся к ней.

– А ты, леди, не дразни мальчишку, – обернулся он к жене. – Ему здесь быть хозяином после меня. Пусть привыкает командовать людьми.

Вала облегчённо вздохнула, получив неожиданно поддержку мужа, и даже испытала к нему чувство благодарности. Но, взглянув невольно в холодные и жестокие глаза пасынка, поняла, что обрела в его лице непримиримого врага, и расслабляться в этом доме ей не придётся.

После завтрака она испросила у мужа разрешения навести порядок в доме, и получила его.

– Делай, как знаешь, леди, – буркнул он, – домашняя челядь в твоём распоряжении. Только в мужские дела не лезь.

Работы в доме оказалось столько, что и до зимы не справиться. Слуги были угрюмы и не спешили исполнять приказы хозяйки. И как тут быть? Она не может показать себя ничемной госпожой. И так её положение в этом доме очень шатко. Неожиданно на помощь ей пришёл старый эконом. Он объяснил ей, что дом давно без хозяйки, и слуги слегка одичали. Тем более что хозяина интересовали лишь мужские дела. Он проводил время в основном во дворе с воинами и контролировал рабочих на полях и фермах, не доверяя целиком управителю.

– Может и правильно, – добавил он, – поскольку управитель тот ещё плут и норовит положить в свой карман всё, что плохо лежит.

Потом он созвал слуг и велел им начать работать по-новому, добросовестно. Иначе придётся привлечь к делу хозяина, а он скор на расправу, это известно всем.

– К нашему счастью, в доме появилась новая госпожа, – заявил он, – и мы все должны помочь ей сделать этот дом таким же уютным, каким он был когда-то. Хозяин будет доволен.

С этого времени дело пошло легче, хотя ещё месяца три Вала ощущала глухое недовольство и сопротивление. Симон, так звали эконома, был ей хорошим помощником и единственным союзником в доме, не считая её верных служанок. Но и они не могли отдавать своей госпоже столько времени, сколько хотели бы, и сколько было нужно, если говорить по правде. Они вынуждены были отрабатывать свой хлеб, иначе рыцарь грозился выслать их из поместья.

Отношения с мужем тоже стали немного лучше. Ему понравился порядок, который навела жена. Сама она была с ним приветлива и даже пыталась иногда быть ласковой. И рыцарь смягчился, стал менее резок и не требовал от неё очень уж многого. Но что самое главное, он не слишком донимал её в постели. Будучи человеком уже не молодым и не особо страстным по природе, он исполнял свой супружеский долг далеко не каждый день и охотно давал жене несколько дней отдыха, когда она бывала нечиста. Она стоически сносила их короткие соития, зная, что после этого может спокойно уснуть, не опасаясь дальнейших при-

тизаний супруга. А к осени она и вовсе освободилась от супружеских объятий, когда заявила мужу, что понесла от него. Рыцарь легко согласился дать ей отдохнуть от своих ласк, как он называл то, что происходило между ними (сама Вала называла это иначе). Лишь считанные разы за все это время он помогался её, когда его особенно одолевала похоть после удачной охоты или весёлой пирушки. Да и то брал её куда осторожнее и на боку, боясь повредить будущему ребёнку.

Беременность Вала протекала спокойно и в положенный срок, поздней весной она разродилась крупной, здоровой девочкой. Муж поначалу проявил недовольство, но, поразмыслив, пришёл к выводу, что так даже лучше, поскольку наследник у него уже есть. Тем более что девочка, подрастая, всё больше завоёвывала сердце отца, и он, не знавший вообще, что такое любовь, незаметно для себя всё крепче привязывался к ребёнку. Уна росла умницей и была похожа на мать, только волосики оказались светлыми, как у отца. Её любили в доме все. Все кроме сводного брата. Он единственный никогда не брал девочку на руки, никогда не улыбался ей и не играл с ней. Вала опасалась худшего и всегда была начеку. А возле девочки всякий раз был кто-то из надёжных людей, в число которых вошли и некоторые слуги из местных.

Уне было шесть с половиной лет, когда случилось несчастье с её отцом. Поздней осенью, на охоте, которую он так любил, лошадь рыцаря на всём скаку споткнулась. Хозяин перелетел через её голову и когда приземлился, был уже мёртв, сломал шею. Его принесли домой, и Вала пришла в ужас, потому что поняла, что жизнь её и ребёнка теперь под угрозой. Старого хозяина не успели похоронить, как молодой заявил свои права и провозгласил свои порядки. Онемевшей от горя и страха мачехе он заявил, что она отныне никакая не госпожа, а его шлюха. Госпожу он привезёт в дом потом. А пока пусть мачеха готовится обслуживать его как в доме, так и в постели. И никакого неповиновения он не потерпит. Вала попробовала было возразить, но он тут же схватил её за волосы, швырнул на пол и грубо овладел ею на глазах у слуг и ребёнка. Девочка громко рыдала и пыталась оттащить насильника от матери. Он резко отшвырнул малышку и продолжал своё дело.

— Это задаток, женщина, — зло заявил он, когда кончил, — чтобы знала, что тебя ждёт. И никаких фокусов. А пока даю тебе месяц, чтобы оплакать отца. И будь покорной, сука, иначе убью.

На другой день Уна утонула в пруду за поместьем. Никто не знал, как она туда попала, но догадаться, чьих это рук дело, было несложно. Девочку похоронили рядом с отцом, а Вала впала в оцепенение. Она ничего не видела вокруг, не слышала увещеваний верных служанок, была как неживая. В поместье наступили поистине чёрные дни.

Глава 2

Только на третий день после гибели дочери Вала немного пришла в себя. Слабая и бледная как привидение, она с трудом поднялась на ноги, и верная Иста отвела её на могилу девочки. Горькие слёзы, наконец, полились из глаз, окаменевшее сердце дало знать о себе горячей болью. Вала оживала, но от этого ей становилось только хуже. Что ждёт её впереди? Можно ли как-то передать весточку отцу? И сможет ли отец помочь ей или надо рассчитывать только на собственные силы? Эти вопросы не давали ей покоя ни днём, ни ночью. Ясно было одно – любыми путями ей надо выбраться из этого ада, иначе она просто погибнет. Но как это сделать? Поместье охранялось очень надёжно. Воины были целиком преданы хозяевам и молодому согласились служить так же верно, как служили старому, за хорошую плату, разумеется. Плата была обещана, и вопрос закрыли. Ворота Хил-Хауса всегда были на запоре, и два воина зорко охраняли их днём и особенно ночью. Выйти из поместья незаметно было невозможно. За все годы пребывания тут Вала ни разу не выходила за его пределы, ни разу не ездила верхом. Она только несколько раз, да и то издали видела своего Грома, на котором теперь ездил владелец земли. Это было больно, но и помимо этой боли других бед теперь в её жизни было предостаточно.

И всё же Вала попыталась обсудить возникшее стремление к побегу со своими женщинами. Сделать это тоже было непросто, потому что все они были загружены работой и, кроме того, находились под жёстким надзором. Время для встреч можно было найти только в те вечера, когда в большом зале новый хозяин устраивал попойку со своими воинами. В один из таких вечеров и состоялся военный совет. Женщины обсудили все варианты и поняли, что возможности практически нет. Тогда Огла предложила привлечь к их заговору старого Симона. Ведь он всегда хорошо относился к госпоже и, как никто другой, знал коварную и извращённую натуру своего нынешнего хозяина. Когда несколько дней назад Холт на глазах у всех жестоко изнасиловал госпожу, только в его глазах Огла заметила сочувствие и жалость. Остальные остались равнодушными или даже нашли в этом развлечение для себя.

Вопреки опасениям, Симон согласился помочь женщинам. Только предупредил, что сделать это надо было очень осторожно и так, чтобы не навлечь подозрений на самого эконома, иначе ему грозит жестокая и мучительная смерть. И всё же попытаться можно.

Симон очень давно служил в поместье, ещё с тех пор, когда почивший Филипп де Варун был мальчишкой. И он знал то, что неведомо было ни молодому хозяину, ни капитану стражи. На задворках поместья, позади фруктового сада в высокой и прочной стене имелась калитка, надёжно спрятанная от глаз густым кустарником. Ею не пользовались уже много лет, но ключи сохранились, и можно попытаться ускользнуть через неё. Только надо выбрать подходящий момент и решить, как увести лошадей. О том, чтобы забрать Грома, не может быть и речи. С одной стороны, его слишком хорошо охраняют – такой конь ведь больших денег стоит. С другой стороны, он очень уж заметный, и брать его опасно, даже если удастся увести из-под охраны. Самое лучшее – взять трёх ничем не приметных мулов, но выбрать наиболее выносливых. Они и охраняются не так строго. И ещё одно тревожило. Надвигалась зима, а по снегу следы беглецов прочтёт и последний олух.

Но время, отпущенное леди на оплакивание супруга, быстро таяло, уже десять дней потеряно. И подготовка началась. Симон проверил и хорошо смазал замок в калитке, посмотрел мулов и позаботился о том, чтобы их можно было легко увести. Иста приготовила всё нужное в дальнюю дорогу, отобрав только тёплые и добротные вещи для госпожи, Оглы и себя. Всё-таки путешествовать зимой куда труднее и опаснее чем летом, и неизвестно ещё насколько долгим будет их путь. Плохо, что у них совсем нет денег. И обидно оставлять все те замечательные платья, что сшили для госпожи перед свадьбой. Они такие красивые. А

бедняжка даже не надела их здесь. Куда? И для чего? Конюшня, а не усадьба, право слово. Тьфу!

Симон объяснил, что самым разумным будет держать путь в ближайший женский монастырь. Обитель Святого Фрайдсуайда, что на границе Херефордшира, всего в половине дня пути от их поместья, если ехать быстро и без остановок. Но женщинам придётся выезжать ночью, и это будет намного труднее. Однако другого пути нет – днём им не ускользнуть. Настоятельница монастыря матушка Ранульфа не откажет в приюте попавшей в беду леди. А уж как сложится дело дальше, ему неизвестно. Главное – вырваться из лап жестокосердного Холта.

Женщины согласились с планом Симона, и побег был намечен на полночь третьего от сегодня дня. Но жизнь, как это часто бывает, внесла свои изменения в их планы. Случилось то, чего никто не ожидал.

Ранним вечером следующего дня перед воротами поместья остановился большой отряд хорошо вооружённых всадников. После коротких переговоров оказалось, что к ним прибыл старший сын короля Стефана принц Юсташ Блуаский. Холт приказал распахнуть ворота и лично встретил на въезде в поместье высокого гостя. Принц повелел устроить его людей, а сам направился в зал и потребовал подать подогретого вина:

– Я слишком сильно промёрз в ваших диких краях, где и людей-то, кажется, нет. Хочу вина, хорошо поесть и женщину.

– Всё будет, мой принц, незамедлительно будет. Сейчас я позову хозяйку, она всем распорядится, – отвечал потрясённый Холт. Такая честь для их небольшого по сути поместья! Сам принц!

Молодой хозяин нашёл Валу и потребовал, чтобы она явилась в зал прислуживать высокому гостю.

– И оденься поприличней, – прошипел он, – не смей меня позорить в глазах принца.

Когда Вала вошла в зал, гости были уже слегка разогреты вином. Юсташ Блуаский вместе с Холтом сидел за высоким столом. Остальные места были забиты людьми принца. Вала на ходу отдала некоторые необходимые распоряжения, подошла к хозяйскому столу и присела в реверансе перед королевским сыном. Он окинул женщину с головы до ног наглым, раздевающим взглядом, любезно улыбнулся и пригласил сесть рядом. Вала уже давно не сидела на хозяйском месте, ела обычно в кухне или в своей комнате, но она неизменно присутствовала в зале для наблюдения за порядком. Встретившись глазами с холодным, жестоким и откровенно похотливым взглядом принца, Вала задрожала от ужаса. Ей показалась, что огромная змея разевает пасть, чтобы проглотить её, смять тонкие косточки, разорвать на мелкие куски тело. Собрав всю свою волю, она снова присела в реверансе, скромно потупилась и вежливо ответила:

– Нижайше прошу извинить меня, милорд принц, но как хозяйка я должна проследить за всем, чтобы наилучшим образом угодить вам. Простите, но мы не ожидали вашего приезда сегодня, и нужны срочные меры, чтобы всё было как должно.

– Хорошо, леди, – недовольно процедил он. – Но завтра я вас жду за этим столом. И никаких отговорок.

Оцепенев от ужаса, она быстро вышла из зала, метнулась в сторону кухни и, наткнувшись на эконома, едва не упала ему на руки. Ноги её подкашивались, она вся дрожала.

– Я боюсь, Симон, – прошептала она, – я вся дрожу от ужаса. Это страшный человек, страшный.

– Да, госпожа, этот человек не имеет ни совести, ни жалости, как говорят, – тихо ответил эконом. – Для него не существует ничего святого. Я слышал ваш разговор. Вы мудро поступили, госпожа. А сейчас ступайте в свою комнату и не выходите из неё. Я пришлю к вам Исту. А мы с Оглой всё сделаем здесь.

Вала устремилась в свою комнату и вскоре впустила к себе Исту. Служанка была блее мела. Она понимала весь ужас положения и дрожала от страха за хозяйку и от понимания своей беспомощности в этих обстоятельствах. Подумать только! Она ничем не может помочь госпоже, а ведь клялась защищать её до последней капли крови. Так и сидели они, притаившись, прислушиваясь к доносившимся из зала звукам.

А там становилось всё более шумно. Подвыпившие ратники принца громко выражали своё удовлетворение от столь радушного приёма. За высоким столом шёл совсем другой разговор.

– Эта женщина хозяйка поместья, де Варун? – спросил Юсташ.

– Она вдова моего покойного отца, мой принц. Мой отец, рыцарь Филипп де Варун погиб на охоте две недели назад. Теперь я вхожу в права владения и надеюсь подтвердить своё рыцарское звание в ближайшее время.

– Конечно, ты получишь желаемое, де Варун, – вкрадчиво сказал принц, – особенно если хорошо угодишь мне.

– Всё что угодно для милорда, – льстиво ответил Холт, – всё что угодно. В этом поместье вы можете распоряжаться всем.

– Отлично, – удовлетворённо кивнул принц, – я хочу эту женщину. Она показалась мне мягкой и сладкой. И я предвкушаю много удовольствия от неё. Думаю, я хорошо поработаю над ней, и мой «петушок» насладится ею во всех трёх отверстиях. Если ты не имеешь возражений, разумеется, – насмешливо добавил Юсташ.

– Ну что вы, мой принц! Ваше желание для меня закон. А эта гордыня вполне заслуживает хорошего урока. Мой отец не сумел как следует объездить её и научить полному повиновению. Я сам собирался сделать это и уже начал своё обучение, когда оседлал её прямо здесь, в зале на глазах у всей челяди. Теперь она получит урок, который надолго запомнит. Правда, я обещал ей дать месяц на оплакивание погибшего мужа, ну да кто станет держать слово, данное женщине.

– Мне нравится ход твоих мыслей, де Варун, и, я думаю, ты пойдёшь далеко. И знаешь, у меня возникла отличная идея. Когда я немного удовлетворю с ней свой аппетит, мы возьмём эту женщину вдвоём. Поделим между собой все её отверстия и покажем свою удалость. Надеюсь, ей понравится, – издевательски хохотнул принц. – Что ты скажешь на это, де Варун?

– Превосходная идея, мой принц. Владеть одновременно с вами одной женщиной – великая честь для меня. Я польщён и готов служить вам всегда и во всём.

– Вот и хорошо. Считаю, договорились. Сегодня попируем с моими солдатами от души, а завтра и начнём. Время у нас есть. Мой старый Флэт говорит, что ночью разыграется метель дня на три, а он никогда не ошибается. Так что я окажусь запертым здесь, и развлечение будет весьма кстати. Вряд ли леди сможет ходить после того, как мы с тобой закончим наши забавы. А если окажется слишком выносливой, мои солдаты с радостью довершат дело. Они это любят. Поломанная игрушка никому ведь уже не нужна. Эй, вина мне, да побольше! Сегодня будущий король Англии пирует со своими верными солдатами. Виват!

– Виват принцу Блуаскому! Виват будущему королю Англии! – заревели мощные плотки.

Стоявшие в темноте и не видимые с высокого стола Огла и Симон дрожали как в лихорадке. То, что они слышали, было чудовищно, дико. Надо немедленно спасать госпожу, немедленно. Они переглянулись между собой, обменялись парой слов и разошлись. Симон отправился во двор, Огла поднялась к госпоже.

– Наш план меняется, ягнёночек мой, – сказала она. – Мы отправляемся немедленно.

И она поведала потрясённым женщинам всё, что услышала в зале. Времени падать в обморок от новостей уже не было, и беглянки активно взялись за последние пригото-

ния. Когда час спустя доносившиеся из зала звуки стали совсем уж невразумительными, три закутанные в плащи фигуры проскользнули через заднее крыльцо во двор и осторожно двинулись в конец сада. Там их ждал Симон с тремя мулами в поводу.

– Это хорошо, госпожа, что природа взялась помочь вам. Метель разыграется только к утру. Но вы не должны терять времени. Дорога неблизкая и лёгкой не будет, особенно ночью. К сожалению, я не могу дать вам провожатого. Будем надеяться на волю Господа нашего. Молитесь, и он поможет вам.

Сразу после полуночи трое всадников на низкорослых мулах с мохнатыми сильными ногами тихо покинули поместье через неслышно открывшуюся калитку и вскоре растаяли в темноте.

– Дай Бог вам удачи, леди! Дай Бог вам всем живыми добраться до человеческого жилья и обрести спасение! – тихо прошептал им вслед эконо́м, осенив их крестным знамением.

Он тщательно расправил отодвинутые кусты, неслышно закрыл и запер калитку, замёл следы и отправился в дом. В зале ещё продолжалось веселье, но всё больше воинов оказывались под столом. Принц уже едва держался в кресле. Симон велел слугам отнести его в приготовленные покои и осторожно уложить в постель, поставив рядом кувшин с вином и кубок. Затем сам отправился на покой, молясь, чтобы исчезновение женщин обнаружилось как можно позже.

Пробуждение хорошо повеселившихся накануне гостей было не слишком приятным. Принц проснулся хмурый и недовольный. Голова болела, глаза видели не совсем ясно. А за окном во всю мела метель. Снег покрыл землю плотным белым покрывалом и носился в воздухе какими-то дикими вихрями, с воем и жалобными стенаниями. Брр! Врагу не пожелаешь оказаться сейчас в чистом поле.

Завтрак был поздним. Только поев немного горячего и выпив кубок эля, принц спохватился, что хозяйка поместья не сошла к гостям. За ней послали, но нигде не смогли найти. Исчезли также приехавшие с ней из отчего дома прислужницы. Хмель мгновенно слетел с Юсташа. Он не терпел, когда его планам и желаниям чинились препоны. И горе тому, кто осмеливался помешать ему. Он хотел эту женщину, и он её получит, если даже для этого придётся перевернуть небо и землю.

Немного позднее обнаружилась пропажа трёх мулов. Стражников допросили с пристрастием. Они клялись, что никто не выходил и не выезжал из поместья ни до метели, ни после того, как она началась. Они клялись всеми святыми, что ни на минуту не отлучались со своего поста. Им, конечно, не поверили. В итоге поместье де Варуна лишилось двух хорошо обученных и сильных воинов, а конюх получил травмы, навсегда превратившие его в калеку.

Принц рвал и метал. Живая игрушка выскользнула из его рук. Но ничего. Он найдёт её, и тогда она вообще пожалеет о том, что родилась на свет. Это он умел. Как умел и упорно идти по следу намеченной жертвы. У него был поистине собачий нюх, и он очень любил охоту на людей. Это возбуждало его.

– Как ты думаешь, де Варун, куда она могла податься? – спросил он у обескураженного таким поворотом событий Холта.

– Думаю, в ближайший монастырь, мой принц. Больше ей деваться некуда. Женская обитель Святого Фрайдсуайда ближе всего к моему поместью, всего полдня пути. Полагаю, она намеревается попросить там убежища. Дорогу к отцу ей самой не осилить.

– Хорошо. Как только закончится метель, мы отправимся туда. Ты едешь со мной. И я не оставлю камня на камне от этого монастыря, если только обнаружу, что они приняли её. Леди – моя законная добыча, и я не упущу её. А сейчас найти мне пару крепких свежих девок. Они пожалеют, что родились на свет, уже сегодня.

Метель бушевала три долгих дня и три ночи. И под звуки метели по всему поместью раздавался женский вой и плач. Для удовлетворения кипящей в душе принца ярости двух

женщин оказалось недостаточно. Он жестоко изнасиловал и покалечил шестерых. Одна молоденькая девушка, совсем ещё девочка умерла прямо под ним. Но это была мелочь для принца королевской крови.

На четвёртый день с утра засияло солнце. Земля лежала покрытая толстым слоем белого, искрящегося снега. Мир был чист и спокоен. Но беспокойны были люди. Как только был съеден наскоро поданный завтрак, оседлали коней, и большой отряд вооружённых до зубов воинов вырвался из ворот поместья и рысью двинулся на юго-восток, к женскому монастырю.

Монахини были перепуганы насмерть, когда большой вооружённый отряд остановился под их воротами, и грубый голос потребовал настоятельницу.

Бледная, но внешне спокойная мать Ранульфа вышла к воинам и, узнав принца Юсташа, поклонилась ему. Она прямо и честно ответила на все его вопросы. Да, действительно, ещё перед тем, как началась метель, в ворота монастыря постучала усталая путница на замученном муле. Она попросила приюта. Мать-настоятельница велела ей откровенно признаться, от кого она хочет скрыться. Услышав ответ, она даже не пустила женщину передохнуть и погреться, несмотря на начинающуюся непогоду. Она прекрасно понимает, что воля принца – закон для всех, и никогда не позволит себе выступить против его желания. Пожилая монахиня поклялась на кресте и позволила, если надо, обыскать обитель. Принц был не из доверчивых, и монастырь обыскали. Никаких следов пребывания здесь разыскиваемой им леди не обнаружилось. И люди принца покинули святое место, прихватив в собой молоденькую послушницу. Её тело нашли на другой день недалеко от монастыря, и смотреть на него без слёз было невозможно.

А отряд принца направился на запад, во владения рыцаря Оуэна де Плешара. Там они узнали совершенно неожиданные новости. Оказывается ещё за полгода до разворачивающихся событий рыцарь погиб в схватке между двумя лордами, выступая на стороне своего сюзерена лорда Херефорда. Он был с честью предан земле, а поместье его, оставшееся без хозяина, король Стефан передал другому рыцарю, не желая оставлять без присмотра пограничное владение. Новоявленный хозяин клял всё на свете, когда понял, какой дар ему достался. Проклятые валлийцы не дают ему ни дня покоя, и он подумывает о том, чтобы просить короля Стефана освободить его от этой милости. О дочери почившего рыцаря он ничего не знает.

После такой неудачи принц отпустил Холта де Варуна домой, а сам, расположившись в доме новоявленного землевладельца, принялся думать, в каком направлении продолжить свои поиски. Отказываться от задуманного он не собирался, это было не в его правилах. Конечно, леди могла спрятаться у своих родственников в Уэльсе, но что-то подсказывало ему, что она этого не сделала. Скорей всего она скрывается где-то неподалёку, возможно даже в пределах Херефордшира. Его охотничий инстинкт вёл его обратно в Англию. Принц привык доверять своим инстинктам, и повернул коней на восток.

Вернувшись в Хил-Хаус, Холт де Варун нашёл своё поместье в слезах и печали. Люди оплакивали малышку Мэрин, истерзанное тело которой предали земле. Остальные женщины ещё не пришли в себя полностью и, похоже, кое-кто из них останется калекой. Это не взволновало молодого хозяина, он больше радовался тому, что завёл дружбу с самим принцем Блуаским, будущим королём Англии. Потеря двух солдат тоже не слишком его огорчила. Он посчитал, что это мелочь на фоне более приятных событий. Сам принц Юсташ предложил ему разделить с ним одну женщину. Интересно, как это, каковы ощущения? Наверное, потрясающе приятные. Надо будет попробовать. Возбуждись от этих мыслей, он пошёл искать себе женщину.

Когда удовлетворённый и сытый молодой хозяин сидел с кубком эля в зале, ему пришли в голову более тревожные мысли. Куда всё-таки делась эта сучка, его мачеха? Очень хотелось найти её и научить покорности на всю оставшуюся жизнь. Правда, на охоту за ней вышел сам принц, и становиться у него на пути было глупо. Что ж, надо подождать развития событий.

Примерно через неделю, когда люди во владениях де Варуна понемногу успокоились, в ворота Хил-Хауса постучал замёрзший одинокий путник. Он сказался бродячим менестрелем и, правда, услаждал слух обитателей поместья своим приятным голосом весь вечер. Ему позволили остаться на пару дней, чтобы восстановить силы для дальнейшего пути. А на вторую ночь его пребывания в Хил-Хаусе в самый глухой предутренний час ворота поместья неслышно распахнулись, и внутрь ворвался большой отряд всадников. Всех солдат перебили быстро и бесшумно. Потом во двор выволокли плохо понимающего спросонья Холта де Варуна, прибили его за руки гвоздями к стене сарая, отрезали ему мужское достоинство и после этого забили насмерть. Всех слуг быстро удалили из дома и подожгли его. И пока занималось зарево пожара, всадники так же организовано и бесшумно покинули поместье. Они ничего не взяли из него, только увели красивого мощного коня по имени Гром. С ними вместе исчез и бродячий менестрель.

После этих событий округа затрепетала. Никто не сомневался, что это злодеяние – дело рук валлийцев. Но никогда прежде они не заходили столь глубоко в английские владения. Это было страшно. Правда, умные люди говорили, что происшедшее совсем не похоже на обычный набег, а по всем признакам напоминает акт мести.

Зато состарившийся, но всё ещё бодрый Мэрил ап Томас был доволен и горд своими сыновьями и внуками. Они славно отомстили подлому английскому псу за поруганную честь Валы и убитую им малышку Уну.

Глава 3

Выехав за пределы поместья, три всадницы остановились за поворотом дороги. Огла взяла под уздцы мула хозяйки и придержала его:

– Послушай, ягнёночек мой, дальше вы с Истой поедете вдвоём. И не спорь со мной. Я слишком стара для столь долгого пути, который, я чувствую, предстоит тебе. Я буду вам только обузой. Но я сделаю доброе дело, когда извещу обо всём происшедшем здесь твоего отца и твоего деда.

Слёзы навернулись на глаза Валы, но она понимала, что старая няня права. Ей не справиться с трудным и опасным путешествием в неизвестность. Впервые в жизни им предстояло расстаться. Вала помнила свою няню с той первой минуты, когда стала осознавать себя. Няня была частью её жизни, неотделимой частью. И вот теперь эту связь приходилось рвать. У неё столько потерь за последнее время!

Беглянки обнялись и расцеловались. Огла всегда была сильной женщиной. Она не позволила прощанию затянуться, тем более что у них на счету была каждая минута. Метель надвигалась. Старая женщина чувствовала это и поспешила расстаться со своей воспитанницей, хотя сердце рвалось от боли.

Последние слова прощания, и всадницы разъехались. Две из них двинулись на юго-восток, третья повернула своего мула на запад.

Дорога до монастыря оказалась нелёгкой. В темноте безлунной ночи трудно было рассмотреть ориентиры, о которых говорил Симон. Разум оказался бессилён, сработало какое-то внутреннее чутьё, которое вело их правильным путём. Когда женщины достигли подножья холма над рекой Уай, начался снегопад, быстро превратившийся в метель. Подъём на вершину холма, где стояла обитель, стал самым тяжёлым отрезком пути. Но женщины надеялись на тепло и отдых за стенами монастыря и пробивались к цели из последних сил.

Когда они постучали в ворота обители, привратница, услышавшая женские голоса, была удивлена сверх меры. Монахини уже служили раннюю утреннюю мессу, и путницам надо было подождать. Их пустили за ворота обители, но и только. Привратница не могла сама принять решения. В эти смутные времена опасности ждали с любой стороны. Часа полтора, замёрзшие и усталые до предела женщины, едва держащиеся на ногах, стояли, прижавшись к своим утомлённым мулам и пытаясь взять хоть капельку тепла от их тел.

Наконец появилась настоятельница в сопровождении двух пожилых монахинь. Мать Ранульфа была крепкой женщиной преклонных лет, но ещё не достигла старости. Её строгое лицо с правильными чертами обрамлял белоснежный апостольник, на груди виднелся большой серебряный крест.

– Кто ты, дочь моя, и что ищешь в нашей тихой обители? – спросила она, напряжённо вглядываясь в лицо молодой женщины, за спиной которой стояла служанка, готовая в любой момент подхватить госпожу, защитить её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.